

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Галямина А.Г., Черноверская Т.А. Понятие революционной войны: классическое понимание vs концепция французских военных теоретиков // Genesis: исторические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.6.74639 EDN: ZQLHDL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74639

Понятие революционной войны: классическое понимание vs концепция французских военных теоретиков

Галямина Анна Георгиевна

аспирант, кафедра мировой экономики, международных отношений и права; Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ"

630099, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56

✉ galiamina.anna@yandex.ru

Черноверская Татьяна Александровна

кандидат исторических наук

доцент, кафедра мировой экономики, международных отношений и права; Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ"

630099, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, Центральный р-н, ул. Каменская, д. 52/1

✉ eleonored@yandex.ru

[Статья из рубрики "Теория и методология истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.6.74639

EDN:

ZQLHDL

Дата направления статьи в редакцию:

29-05-2025

Дата публикации:

10-06-2025

Аннотация: Понятие «революционная война» существует в интеллектуальном пространстве уже длительное время и в каждом конкретном контексте адекватно понимается участниками дискуссии. Тем не менее, на сегодняшний день не существует ни чёткого определения этого понятия, ни, тем более, разработанной концепции этого

явления. Более того, отсутствует понимание того, что представители разных национальных культур могут вкладывать в это понятие совершенно разный смысл, что может затруднять адекватное понимание научных и публицистических текстов, написанных представителями иной культурной и научной традиции. Таким образом, данная статья посвящена рассмотрению эволюции представлений о революционной войне с конца XVIII века, поскольку именно война первой коалиции и наполеоновские войны в дальнейшем послужили эмпирическим материалом, на котором были сформированы представления о сущности революционной войны, и до сегодняшнего дня. Источниковой базой исследования послужили выступления в печати деятелей революционных движений, касающиеся вопросов войны и мира, а также теоретические работы французских военных. Авторы использовали традиционные методы исторического исследования и опирались на принцип историзма. Было проанализировано зарождение представлений о специфике революционной войны как вооружённой борьбы за прогрессивные ценности у представителей разных политических сил во время Великой французской революции. Рассмотрена дальнейшая эволюция этого понятия в представлении Симона Боливара, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и Мао Цзэдуна, разработавшего практическую концепцию ведения революционной войны в условиях слабого, аграрного и полуколонизального Китая 30-х гг. Показано, как своеобразный исторический опыт французов, столкнувшихся во Вьетнаме со стороны Вьетминя с практическим применением рекомендаций Мао, привёл к тому, что во Франции военными теоретиками была сформирована собственная оригинальная и существующая по сей день концепция революционной войны, в рамках которой это понятие приобретает совершенно иной смысл, чем в классической версии, что закономерным образом меняет трактовку многих исторических и современных военных конфликтов, что полезно учитывать при работе с франкоязычной историографией.

Ключевые слова:

революционная война, Великая французская революция, Робеспьер, Бриссо, Боливар, Энгельс, Ленин, Мао Цзэдун, герилья, революции

Нередко в специальной и публицистической литературе встречаются термины, смысл которых кажется интуитивно понятным, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что разные авторы вкладывают в них неодинаковое содержание. К числу таких терминов с неопределённым чётко значением относится и понятие «революционная война». Тем не менее, при работе с историческими и аналитическими текстами оказывается важным понимать, в каком именно смысле употребляет автор этот словосочетание.

Обращение к справочной литературе обнаруживает отсутствие соответствующих словарных или энциклопедических статей, раскрывающих его содержание. В результате зачастую под революционной войной понимаются военные действия, сопровождающие революционные события, без рассмотрения характерных особенностей, отличающих этот тип войн от других. Таким образом, целью настоящего исследования стал анализ тех специфических особенностей революционных войн, по которым авторы XVIII-XX вв. выделяли их среди других разновидностей вооружённых конфликтов.

Стоит подчеркнуть, что в задачу исследования не входил анализ самих революционных войн, а также тех оценок характера и степени революционности того или иного конкретного вооружённого конфликта, сопровождавшего революцию, которые давали

сами революционные деятели, но исключительно анализ их представлений о том, что такое *революционная война* – как явление общественной жизни.

Было рассмотрено понятие революционной войны в представлениях некоторых знаковых фигур наиболее значимых революционных движений от Великой французской революции до середины XX века, а также в представлениях французских военных теоретиков середины XX века. Великая французская революция была выбрана в качестве точки отсчёта в силу того, что именно это историческое событие первым получило у современников наименование революции в сегодняшнем смысле – как глубокое качественное изменение в жизни общества. Происходившая десятилетием ранее Американская революция в сознании современников воспринималась не как качественный скачок, не как завоевание нового, но в этимологически дословном значении этого слова – как возвращение в исходную точку, возвращение утраченных когда-то прав. Так, именно посягательством на права американцев как переехавших за океан британских подданных Эдмунд Бёрк объясняет причины Американской войны за независимость: «В этом характере американцев любовь к свободе является преобладающей чертой, которая отмечает и отличает целое; и поскольку пылкая привязанность всегда ревнива, ваши колонии становятся подозрительными, беспокойными и несговорчивыми, когда они видят малейшую попытку силой отнять у них или обманом отобрать у них то, что они считают единственным преимуществом, ради которого стоит жить. ... Во-первых, жители колоний являются потомками англичан. Англия, сэр, это нация, которая, я надеюсь, до сих пор уважает и прежде обожала свою свободу. Колонисты эмигрировали от вас, когда эта часть вашего характера была наиболее преобладающей; и они приняли эту предвзятость и направление в тот момент, когда они расстались с вами. Поэтому они не только преданы свободе, но и свободе согласно английским идеям и на английских принципах [\[1, p. 47\]](#)». Великая французская революция же является не отвоёвованием узурпированных исторических прав, а завоеванием новых и утверждением не существовавших ранее ценностей. Таким образом, именно войну первой коалиции, сопровождавшую первую революцию, осознанную как революция в современном смысле этого слова, можно рассматривать как первую революционную войну. Кроме того, хотя словосочетание «революционная война» не использовалось французскими революционерами, не только самый опыт французских революционных войн послужил тем эмпирическим материалом, на основе которого сложилось это понятие, но и специфические черты, присущие революционной войне, которые впервые были отрефлексированы и озвучены самими французскими революционерами непосредственно во времена Революции, вновь проявляются в дальнейшем при каждой новой попытке осмыслить это явление. В качестве верхней хронологической границы исследования была выбрана середина XX века, поскольку в это время революционная активность смещается из Европы в страны Азии, Африки и Латинской Америки, где в силу объективных причин принимает форму партизанской войны. В результате, к примеру, работа Че Гевары озаглавлена «Партизанская война» и посвящена специфическим проблемам, целям и задачам именно партизанской, а не революционной войны.

Исследование выполнено в русле новой интеллектуальной истории, предполагающей, согласно принципу историзма, учет взаимодействия между движением идей и теми историческими контекстами, в которых идеи зарождаются, функционируют и видоизменяются, – с использованием традиционных методов исторического исследования.

Источниковой базой работы послужили тексты, созданные деятелями революционных

движений, осмысливавшими природу сопровождавших революции вооружённых конфликты с точки зрения идеи революционной войны: выступления П.-Ж. Бриссо и М. Робеспьера в Законодательном собрании и Якобинском клубе, посвящённые проблеме ожидающейся войны революционной Франции с европейскими державами Старого порядка, выступления в печати С. Боливара во время войны испанских колоний за независимость, выступление Ф. Энгельса в «Новой Рейнской газете» во время Революции 1848-1849 гг., выступления в печати В.И. Ленина, брошюры Мао Цзэдуна, посвящённые вопросам революционной войны в Китае, а также протоколы заседаний центрального комитета РСДРП, посвящённых проблеме Брестского мира. Кроме того, были использованы теоретические работы французских военных, в которых разрабатывается французская концепция революционной войны.

Дискуссия по вопросу о войне разворачивается осенью 1791 – весной 1792 гг. Хорошо известно, что главными сторонниками объявления революционной войны была группа революционеров, в дальнейшем известная как жирондисты, и их лидер Пьер-Жак Бриссо, но в целом их точку зрения разделяли в те месяцы практически все видные деятели революции. По их мнению, война необходима, так как революционная Франция находится в недружественном окружении: «Осмелимся ли мы отрицать недружественное окружение? Будем ли мы отрицать, что эмигранты собирают силы в Вормсе, в Кобленце, вооружаются, запасаются продовольствием? Будем ли мы отрицать, что нам угрожает скорое вторжение? Будем ли мы отрицать, что курфюрсты обещают им не только убежище, но и значительную поддержку, что они получают ее от различных князей, в чьих интересах поддерживать огонь вражды во Франции?» [\[2, p. 31\]](#). В этих условиях Бриссо предлагает превентивную войну для защиты революции во Франции. Кроме того, эта война с точки зрения Бриссо должна будет иметь еще одну цель – распространение революционных идей и ценностей на соседние территории. Максимилиан Робеспьер, его главный оппонент в вопросе о войне во время развернувшейся зимой 1791-1792 гг. общественной дискуссии, следующим образом изображает предложенный Бриссо «крестовый поход по имя свободы»: «вы приведете наши победоносные армии ко всем соседним народам; вы установите повсюду муниципалитеты, директории, национальные собрания, и вы сами восклицаете, что эта мысль возвышенна, как будто бы судьбы империи управлялись риторическими фигурами. Наши генералы, ведомые вами, будут не более чем миссионерами конституции; наш лагерь будет только школой общественного права; прихвостни иностранных монархов, вовсе не ставя никаких препятствий осуществлению этого плана, предстанут перед нами не для того, чтобы оттолкнуть, а чтобы выслушать [\[3, p. 81\]](#)». По мнению Бриссо, этот проект должен быть успешен, поскольку соседние народы готовы воспринять идеалы Французской революции: «таков клич всех патриотов, таково желание всех друзей свободы, разбросанных по всем странам Европы; они только и ждут этого счастливого случая, чтобы напасть на своих тиранов и свергнуть их» [\[4, c. 157\]](#). Таким образом, с точки зрения Бриссо и будущих жирондистов, революционная война представляет собой, с одной стороны, защиту уже совершённых революционных преобразований, а с другой – вооруженный экспорт революции.

Стоит отметить, что для человека, воспитанного в духе Просвещения, каким был Бриссо, его идеи о возможном активном распространении революционных ценностей вполне логичны и закономерны: раз революционные ценности разумны, то разумные, просвещённые люди должны их принять и одобрить, все прочие должны быть просвещены и тогда тоже смогут их воспринять.

С этой точки зрения интересна позиция Максимилиана Робеспьера, который, как

известно, стал главным и практически единственным оппонентом Бриссо в дискуссии о войне. Робеспьер, тоже человек, воспитанный идеалами Просвещения, отвергает возможность вооружённого экспорта революции «Никто не любит вооружённых миссионеров, и первый совет, какой дают природа и осторожность, – оттолкнуть их как врагов» [3, п. 81]. Робеспьер настаивает на том, что причины революционных преобразований должны обнаружиться внутри страны: «Разве хватило бы примера Америки, чтобы разорвать наши цепи, если бы время и стечение счастливейших обстоятельств незаметно не привели к революции? Декларация прав — это не свет солнца, освещающий всех людей одновременно; это не молния, ударяющая во все престолы одновременно. Легче написать ее на бумаге или выгравировать на латуни, чем восстановить в сердцах людей ее священные символы, стертые невежеством, страстями и деспотизмом» [3, п. 82]. Практика французских революционных войн со временем подтвердила скептицизм Робеспьера, но здесь хотелось бы отметить сложность и нехарактерность подобных воззрений для конца XVIII века – неудивительно, что подавляющее большинство французов приняли позицию Бриссо.

Дополнительно хотелось бы отметить ещё один принципиальный вопрос, при ответе на который мнения Робеспьера и Бриссо оказались противоположными, – какими силами должна вестись революционная война? С точки зрения Неподкупного, в том случае, если война всё-таки начнётся, основу армии должен составлять вооружённый народ, солдаты-граждане [5, с. 180]. С точки зрения Бриссо и война, и революционная агитация на занятых территориях должны вестись именно силами регулярной армии, а не вооруженного народа, так как это более рационально и с экономической, и с военной точки зрения, поскольку, по его мнению, идея *народной* (курсив – Ж.-П. Бриссо) войны «означает, что мы хотим оторвать весь народ от его жилищ, от его занятий; означает, что у нас повсюду имеются средства накормить и вооружить его; означает, что крестовый поход бесчисленных миллионов людей нужен для того, чтобы рассеять тысячи человек; означает, что с толпой отважных, но не привычных к оружию людей, людей, у которых нет опытных начальников, мы будем более уверены в успехе, чем с войсками дисциплинированными, вооружёнными, привычными к усталости – это означает, одним словом, отправить людей на бойню» [2, п. 10].

20 апреля 1792 Франция объявляет войну Францу I, королю Венгрии и Богемии (с 5 июля 1792 — император Священной Римской империи Франц II). Неудачи наступательной войны и оккупация части французской территории приводят к тому, что Франция вынуждена перейти к обороне, к защите отечества – и в то же время эта война является защитой революционных преобразований [6], т.е. революционная война меняет свой характер, превращаясь из вооружённого экспорта революции в ее вооружённую защиту.

Тем не менее, даже последовавшие за войной первой коалиции наполеоновские войны в определенной степени сохраняли в себе элемент вооружённого экспорта демократических идей Революции – в частности, через введение в подчиняемых Франции странах правовых систем, основанных на универсальном принципе равенства граждан перед законом. – В то же время вторжение французских войск в Испанию не только спровоцировало там собственную революцию, но вызванный этим вторжением кризис на Пиренейском полуострове послужил, в свою очередь, толчком еще одному вооружённому конфликту, который может рассматриваться как революционная война – к войне за независимость испанских колоний в Америке.

Здесь революционная война смешивается с национально-освободительным движением поскольку внутри испанской колониальной империи латиноамериканцев «лишили даже

действенной тирании, ибо нам не было разрешено осуществлять ее функции» [\[7, с. 56-57\]](#), – отмечает один из главных руководителей этого движения Симон Боливар, также рефлексирующий относительно природы этой войны: в роли тирана здесь выступает правительство метрополии. По итогам войны за независимость испанские колонии в Америке не только обретают независимость и формируют собственные национальные государства, но и добиваются того, чтобы в этих государствах в какой-то степени были приняты либеральные нормы и ценности, узаконенные Великой Французской революцией: «Венесуэла учредила федеративное демократическое правительство, провозглашая первостепенными права человека, поддержала равновесие ветвей власти и установление всеобщих законов, направленных на соблюдение гражданских свобод, свободы печати и др» [\[7, с.57\]](#). Современные исследователи при этом склонны также обращать внимание на то, что на практике война испанских колоний за независимость обретала не только характер национально-освободительного движения, в котором все население колоний противостояло испанской монархии, но и характер гражданской войны, в котором разные группы населения могли сражаться за какие-то свои частные формы эмансипации, а часть населения могла даже сохранять верность метрополии и противостоять тем, кого они рассматривали как изменников [\[8\]](#). В результате важную роль в этом конфликте играли не только столкновения между регулярными армиями, но и партизанские действия. При этом в первой трети XIX века, когда одним из основных направлений международной политики была борьба за формирование национальных государств, роль партизанского движения не была в достаточной степени оторефлексирована. Более того, Боливар подчеркивал важность именно регулярной армии, противопоставляя ее даже не партизанским отрядам, а народному ополчению, использовать которое исходя из опыта республик древности предлагали его оппоненты [\[7, с.22-23\]](#). Напротив – партизанскую войну против Второй Венесуэльской республики вели контрреволюционные иррегулярные отряды Хосе Томаса Бовеса, основу которых составляли льянерос, неграмотная венесуэльская беднота, подверженная влиянию испанской пропаганды. Помимо партизанского контрреволюционного сопротивления, слабость и некоторая политическая отсталость Латинской Америки по сравнению с Европой приводила к тому, что, по мнению Боливара, завоевавшим независимость государствам Латинской Америки придется искать подходящие им формы государственного устройства, так как в силу отсутствия соответствующего опыта они не могут копировать принятое в Европе: «Я не высказываюсь за федеральную систему из народных и представительных единиц, потому что она слишком хороша для нас и требует таких политических способностей и навыков, каких у нас еще нет. По этой же причине я отвергаю монархию, даже являющую собой сплав аристократии с демократией, что принесло Англии столько славы и пользы. И если из монархических и республиканских форм правления мы не можем выбрать подходящую для нас во всех отношениях, мы все же постараемся избежать и демагогической анархии и монархической тирании. Мы будем искать нечто среднее между крайностями, которые грозят бедами, несчастьем и бесчестьем» [\[7, с.22-23\]](#).

Ни французские революционеры, ни латиноамериканские инсургенты не использовали в своих работах термин «революционная война». Это словосочетание появляется в качестве термина уже в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. И хотя тема революционной войны не получает в их творчестве отдельного специального рассмотрения – представляют интерес рассуждения Фридриха Энгельса «изнутри» Революции 1848-49 годов в Германии – относительно перспектив и возможностей революционной войны в контексте анализа им развития революции в Пьемонте: он выделяет следующие главные

особенности революционной войны: 1) война ведётся ради защиты революционных преобразований 2) вести подобную войну способно только радикальное революционное правительство, способное также и на жёсткие внутривнутриполитические меры защиты революции 3) война должна вестись силами всего вооружённого народа [\[9, с.416-419\]](#). Характерно, что здесь Энгельс в качестве примера революционной войны приводит именно практику якобинцев 1793 года. Также стоит отметить, что Энгельс рассматривает партизанскую революционную войну в качестве эффективного способа противостоять более сильному противнику.

Более подробно революционная война рассматривается в трудах большевиков, воспринявших и теоретически осмысливших военный и революционный опыт своих предшественников, – и здесь это понятие используется как термин общеупотребительный и всеми в контексте адекватно понимаемый.

Ленин в своих работах определяет революционную войну как «войну в защиту угнетённых классов против капиталистов, в защиту угнетённых империалистами маленькой горстки стран народов против угнетателей, в защиту социалистической революции от иностранных нашествий [\[10, с.276\]](#)» – в противоположность империалистической войне. Главным актором революционной войны должна являться сформированная революционным правительством революционная Красная гвардия, т.к., по общепринятому мнению, озвученному Крестинским во время дискуссии о Брестском мире, ведение революционной войны при помощи вооружённых сил, оставшихся от дореволюционного правительства, невозможно [\[11, с. 206\]](#). Т.е. главным свойством революционной войны является классовый характер этого конфликта. Важно отметить, что несмотря на оценку Лениным Великой французской революции как революции буржуазной, а не социалистической, французские революционеры, по его мнению, вели именно революционную, справедливую войну против своих феодалов [\[10, с.277\]](#) – т.е. субъектом революционной войны оказывается не какой-то определённый класс, а тот, который в конкретных исторических условиях является с точки зрения Ленина революционным.

Принципиальным оказывается для Ленина справедливый и прогрессивный характер революционной войны – она рассматривается как средство уничтожить войны в дальнейшем – в этом случае Ленин полемизирует со сторонниками политического идеализма и говорит о провале вильсоновской идеологии [\[10, с.274\]](#), пытавшейся решить проблему военных конфликтов при помощи создания системы международного арбитража. Согласно Ленину, прочный мир возможен только при условии коренной перестройки общества, одним из способов которого может являться революционная война.

При этом стоит обратить внимание на то, что в дискуссиях 1910-20 гг. XX в. революционная война, может пониматься двояко – либо как защита революционного отечества, защита территории, на которой уже произошли революционные преобразования и, соответственно, защита этих преобразований [\[11, с.200\]](#), либо как средство подталкивания революции в других странах, экспорт революции, гражданская война с международным, в частности, германским империализмом [\[11, с.201\]](#) – что соответствует тем формам, которые принимала революционная война во время Великой французской революции. Современный исследователь Бажуков полемизирует в данном случае с точкой зрения, устоявшейся в советской историографии, традиционно противопоставлявшей левых коммунистов как сторонников вооружённого экспорта

революции и Ленина как их решительного противника, и утверждает, что Ленин вооружённый экспорт революции при определенных условиях вполне допускал и что его отказ от революционной войны во время дискуссии, предшествовавшей заключению Брестского мира, был вызван технической неготовностью Советской России к войне в тот момент [\[12\]](#). В качестве примера активной наступательной революционной войны, проводимой большевиками, в частности, с санкции Ленина, Бажуков называет Советско-польскую войну.

Соглашаясь в целом с приведённой выше точкой зрения, хотелось бы дополнить ее несколькими замечаниями. Безусловно, в конкретных исторических условиях значимую роль в отказе от революционной войны играла материальная неготовность Советской России к ней. В целом же необходимо помнить, что в это же время мировая революция представлялась событием, ожидавшимся в ближайшей перспективе, поэтому любые решения принимались исходя из их предполагаемой пользы или вреда для ее приближения. Пожертвовать ли революционными преобразованиями в неготовой к войне Советской России ради разжигания революции в Германии? Подобный выбор допустим в том случае, «если мы верим в то, что германское движение может развиваться немедленно в случае перерыва мирных переговоров, то мы должны пожертвовать собою, ибо германская революция по силе будет гораздо выше нашей» [\[11, с.205\]](#). В противном случае необходимо воздерживаться от активных военных действий и сосредоточиться на упрочении революционных преобразований в России, поскольку «Германия только ещё беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну» [\[11, с.201\]](#). Здесь более полезными для распространения революционных идей оказываются другие способы - обмен пленными, который позволит попасть в Германию людям, «видевшим нашу революцию на практике» [\[11, с.211\]](#), а также успешное революционное строительство, способное продемонстрировать всему миру преимущества нового строя [\[13, с.250\]](#). Но принципиальным моментом в любом случае здесь оказывается недопустимость привнесения революции извне. С одной стороны, она основывается на ленинском понимании революционной ситуации - условий, возникающих внутри страны, при которых политический кризис может разрешиться революцией: «Одно угнетение, как бы велико оно ни было, не всегда создает революционное положение страны. Большей частью для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели* жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде» (курсив – В.И. Ленин) [\[14, с.300\]](#). Другим теоретическим и идейным обоснованием отказа от экспорта революции становится признание права наций, а не трудящихся на самоопределение [\[15, с.156-162\]](#). Как представляется, оно является следствием марксистского понимания исторического процесса в целом: если главным историческим субъектом являются народные массы, а законы исторического развития объективны, то привнесение революции извне в страну, где революционная ситуация не сложилась, а народ не готов к революционным преобразованиям, становится технически невозможным – что характерным образом перекликается с доводами Максимилиана Робеспьера. Т.е. извне возможна только поддержка в разрешении уже назревшего революционного кризиса.

Что же касается Советско-польской войны, то согласно воспоминаниям М.Н. Тухачевского, советское руководство переоценило революционность польского пролетариата и крестьянства, экстраполировав на Польшу ситуацию в Белоруссии, где население в целом благожелательно встречало Красную армию и где еще до прихода Красной армии начинались крестьянские волнения. Тухачевский рассматривает это как

возможность привнесения революции извне [\[16, с.61\]](#), но в целом здесь тоже можно говорить о помощи уже назревшему революционному движению. В целом же можно говорить о том, что революционная война во время Великой Октябрьской социалистической революции имела оборонительный характер, причём основную роль в этом конфликте играла сформированная революционным правительством регулярная армия.

Революционный и военный опыт большевиков был затем осмыслен адаптирован к китайским условиям Мао Цзэдуном, систематически изложившим свои взгляды в работах «Стратегические проблемы революционной войны в Китае» (декабрь 1936 г.), «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков» (май 1938 г.), «О затяжной войне» (июнь 1938 г.).

Мао следует за Лениным, разделяя войны на несправедливые - контрреволюционные и справедливые - революционные, которые в свою очередь могут быть как классовыми, так и национальными. Повторяет Мао и рассуждения Ленина о том, что революционная война является средством прогрессивного переустройства мира и устранения любых войн в дальнейшем: «Война – это чудовище, которым люди убивают друг друга, в конечном итоге будет устранено с развитием человеческого общества, и оно будет устранено в ближайшем будущем. Но есть только один способ устранить ее: использовать войну против войны, революционную войну против контрреволюционной войны, национально-революционную войну против национальной контрреволюционной войны и классовую революционную войну против классовой контрреволюционной войны. ... Если мы не поднимем знамя справедливой войны, то большая часть человечества будет опустошена. Флаг справедливой войны человечества — это флаг спасения человечества, а флаг справедливой войны Китая — это флаг спасения Китая. Война, которую ведет большинство человечества и большинство китайского народа, несомненно, является справедливой войной, делом высшей чести по спасению человечества и спасения Китая и мостом, который превращает мировую историю в новую эру» [\[17\]](#). При этом в качестве противника в революционной войне может выступать как внутренний враг, в случае Китая - Гоминьдан, так и враг внешний, в китайском случае - Япония: «В революционной войне этот принцип непосредственно связан с основным политическим принципом войны. Например, основным политическим принципом войны Китая против японских захватчиков, то есть политической целью этой войны, является изгнание японских империалистов и построение независимого, свободного и счастливого нового Китая. В военном плане это означает: отстоять родину вооруженной силой и изгнать японских бандитов» [\[18\]](#). Определив суть революционной войны в принципе, Мао переходит к рассмотрению технических особенностей революционной войны в специфических китайских условиях, которые заставляют Мао разрабатывать собственную теорию революционной войны, а не слепо копировать успешный опыт Советской России в Гражданской войне, хотя Мао признает безусловную необходимость учета этого опыта [\[17\]](#).

В результате в рассуждениях Мао революционная война в Китае принимает форму партизанской, нерегулярной войны. Но, стоит подчеркнуть, что Мао остается теоретиком именно революционной, а не партизанской войны [\[19\]](#). Та форма партизанской и затяжной войны, которую принимает революционная война в Китае, обусловлена его конкретными историческими условиями: Китай - большая, но слабая, полуколониальная страна, при этом китайской красной армии противостоит более сильный противник, но произошедшая в Китае революция, в том числе аграрная, обеспечивает красной армии

поддержку крестьян [\[17\]](#), а в дальнейшем - победу революции в Китае. Стоит отметить, что подобное свойство партизанской революционной войны отмечалось уже Энгельсом (см. выше).

Взаимодействовавшие со своими китайскими товарищами вьетнамские коммунисты усвоили маоистскую тактику партизанской войны и применили ее во время Первой Индокитайской войны, где с ней столкнулись французские вооруженные силы. В частности, по воспоминаниям французских военных, воевавших во Вьетнаме, окружавшее их местное население, вплоть до детей, при необходимости могло быть мобилизовано Вьетмином для диверсионной деятельности против французских колониальных войск – устройства засад, повреждения железнодорожных путей и телефонной связи [\[20\]](#). В связи с этим французским военным теоретикам пришлось разрабатывать свою стратегию контрреволюционной войны или контргерильи, а для этого – подробно изучить и теоретически осмыслить феномен, с которым они столкнулись. Для этого работы Мао были переведены на французский язык, а во французском интеллектуальном пространстве в результате сформировалась концепция революционной войны как революционной герильи.

Согласно этой концепции, революционная война берет свое начало в антиколониальном движении. При этом в случае революционной войны участники антиколониальной герильи не просто противостоят колониальным властям, но опираются на идеологию, способную внушить симпатию в лагере противника и нейтральном лагере, что меняет характер войны. Эта идеология не может быть побеждена идеологией противоположной стороны, что делает противостояние несимметричным. Восставшие получают материальную и моральную поддержку, начинается давление на общественное мнение в стране-колонизаторе, что позволяет восставшим держаться - в результате затраты на войну становятся чрезмерны, что приводит страну-колонизатора за стол переговоров, продолжающихся длительное время на фоне затухающего конфликта [\[21, p.23-25\]](#) - т.е., технически подобный способ ведения войны позволяет более слабому в экономическом и военном плане противнику добиться определённого успеха. Вне непосредственной связи с антиколониальным движением революционная война представляет собой особую форму партизанской войны, в которой традиционные формы преследования противника сочетаются с особыми политическими действиями, направленными не только на захват власти, но и на ее модификацию в целях особой идеологии [\[22\]](#). При этом, поскольку данная концепция разрабатывалась людьми, вынужденными противодействовать революционной войне, то, разумеется, именно инсургенты, группа, нацеленная на захват и модификацию власти, объявляется единственно виновной в развязывании конфликта, вне зависимости от того, кто первым применяет силу [\[23, p.3\]](#). Хотя первоначально группа инсургентов может быть невелика, в дальнейшем посредством пропаганды она приобретает массовую поддержку невоенного населения [\[23, p.2\]](#), которое тоже может включаться в партизанскую борьбу с противником.

Таким образом, революционная война согласно этому представлению, безусловно, опирается на определенную идеологию, но совершенно не обязательно эта идеология должна быть именно революционной - так, помимо Вьетнама, другой важной базой для разработки концепции революционной войны французским военным теоретикам послужил Алжир, где в силу слабости местной компартии идеологической основой противостояния выступал ислам. Согласно генералу Бофру, автору книги «Революционная война: новые формы войны», на момент написания книги (книга издана в 1972 году) в мире насчитывалось около 50 вооруженных конфликтов и практически все

они содержали в себе элементы революционной войны [\[21, p.III\]](#).

Стоит отметить, что разные французские военные теоретики выделяли разные элементы современных им вооруженных конфликтов в качестве основных элементов революционной войны. Согласно генералу Немо, революционная война становится фактически синонимом герильи, которую он понимает как действия, опирающиеся на насилие и осуществляющиеся противником на территории, на которой другой осуществляет политическое и экономическое управление и военную оккупацию [\[22\]](#). При этом сторона, ведущая революционную войну, опирается на массовую поддержку населения, поскольку рассматривает его не как аморфную массу, которую надо завоевать и удержать в подчинении, а как почву, которую они должны оплодотворить, перестраивая революционное управление в соответствии с особенностями данного общества. Т.е. здесь первичен именно партизанский аспект, а идеологизированность выполняет вспомогательную функцию.

В то же время генерал Огар рассматривал революционную войну в первую очередь как часть всемирной стратегии марксистов-ленинистов по переустройству человеческого общества. С его точки зрения именно это объясняет, почему по всему миру постоянно вспыхивают горячие революционные войны, составляющие революционную войну [\[22\]](#) - т.е. этот автор подчеркивает прежде всего именно идеологический, революционный, а не партизанский аспект революционной войны.

Впрочем, стоит отметить, что в середине XX в. подходы Немо и Огара не были столь различны, как может показаться на первый взгляд. В это время антиколониальное движение, проявляющееся в форме герильи, действительно зачастую выступает в том числе и под коммунистическими лозунгами и пользуется поддержкой советского блока, а революции, как, например, кубинская, начинаются именно в форме герильи - таким образом, вооруженные выступления в поддержку революционной идеологии и революционных ценностей (в этот период - чаще всего именно коммунистических) происходят в форме партизанской войны.

Стоит отметить, что рассмотренное выше употребление термина «революционная война» характерно именно для франкофонной культуры. В русскоязычной среде оно не получило широкого распространения. Рассматривая партизанские революционные выступления в XX веке, составители сборника «Красная герилья в Азии», для обозначения партизанской войны, проходящей под левыми политическими лозунгами, используют термин «герилья», а сам вооруженный процесс захвата власти революционными силами авторы сборника называют «вооружённой революцией» [\[24, 25\]](#).

В дальнейшем подобное понимание революционной войны во франкоязычной культуре экстраполировалось и на другие конфликты, вне зависимости от того, можно ли их считать революционной войной в старом, традиционном понимании или нет.

Так, например, некоторые французские авторы пытаются механистически интерпретировать взгляды Ленина с точки зрения появившейся гораздо позднее французской концепции, считая признаком революционности Гражданской войны наличие небольшой идеологически заряженной группы революционеров-большевиков, противостоявших изначально государственному аппарату Российской Империи [\[26\]](#).

Аналогичным образом генерал Бофр, обращая внимание то на партизанский, то на идеологический характер военных действий, обнаруживает черты революционной войны во многих вооруженных конфликтах на протяжении человеческой истории - так,

например, в качестве элементов революционной войны он рассматривает как идеологическую ангажированность Жанны д'Арк, так и опору коннетабля Дюгеклена на партизанские действия [\[21, p.88\]](#). Религиозные войны с этой точки зрения являются полноценной революционной войной [\[21, p.89-92\]](#). Более того, революционную войну могут одновременно вести обе стороны вооружённого конфликта: во время наполеоновских войн французы ведут революционную войну в силу своей идеологической ангажированности, обеспечивающей им сторонников даже во вражеском лагере, а их противники в Испании и в России - в силу опоры на партизанскую войну [\[21, p.98\]](#).

Традиция подобного понимания революционной войны до сих пор жива во франкофонной культуре. Так, французский военный журналист Рено Жирар, анализируя стратегию ХАМАС в обострившемся осенью 2023 года арабо-израильском конфликте, приходит к выводу что в данном случае бойцы ХАМАС ведут революционную войну, поскольку неотличимы от мирного палестинского населения, которое они предполагают освободить, так как они и члены их семей посещают те же мечети и те же школы, что и остальные палестинцы и выглядят внешне точно так же. Т.е. в данном случае понятие революционной войны не связано напрямую с революцией. Одна из сторон конфликта определённым образом идеологически заряжена, но эту идеологическую базу нельзя назвать революционной. Признаками революционной войны согласно Рено Жирару становятся отсутствие регулярной армии, которую можно однозначно отличить от мирного населения, и любая идеологическая ангажированность [\[27\]](#).

Интересно, что подобное понимание революционной войны коренным образом меняет традиционную интерпретацию некоторых событий. В частности, с этой точки зрения, революционную войну ведут вандейцы, так как представляют собой партизанские отряды, сражающиеся против регулярной армии, в то время как традиционно именно регулярные войска французской республики рассматривались как революционная армия, поскольку с их стороны это была война за революционные ценности.

Подобное понимание революционной войны, конечно, содержит в себе одно из значимых свойств этого явления – опору на вооружённый народ, которую подчёркивали почти все рассмотренные нами деятели революционных движений, пытавшиеся отразить вооружённые конфликты, в которые они были вовлечены. Тем не менее, представляется, что традиционное понимание революционной войны как военных действий, направленных на защиту или экспорт революционных ценностей и преобразований, оказывается более конкретным и емким, чем французский вариант, который позволяет по формальным критериям объединить в одну категорию принципиально разные вооружённые конфликты. Аналогичным образом, традиционные термины «революционная диктатура» или «якобинская диктатура» представляются более корректными, чем используемый некоторыми современными исследователями термин «диктатура монтаньяров» [\[28, с. 183\]](#), поскольку последний термин формально указывает лишь на субъект власти, на носителей диктаторской власти – конкретных лиц, составлявших Гору Конвента, но не раскрывает суть и смысл проводимой ими политики. Оба же традиционных наименования сосредоточены именно на ее характерных чертах – диктатура, направленная на осуществление и защиту революционных преобразований [\[29, с. 42-44\]](#).

Авторы выражают благодарность д.и.н. Е.В. Савковичу за предоставленные тексты работ Мао Цзэдуна.

Библиография

1. Burke E. Speech on Conciliation with America. Chicago: Scott, Foresman and company, 1898. 159 p.
2. Brissot J.P. Troisième discours de J.P. Brissot, député sur la nécessité de la guerre Prononcé à la société, le 20 janvier 1792. Paris: Impr. du Patriote français, 1792. 18 p.
3. Robespierre M. Sur la guerre (2 janvier) // Robespierre M. Oeuvres complètes. T. VIII. Discours (3e Partie). Octobre 1791 - Septembre 1792. Paris: Presses universitaires de France, 1954. P. 74-93.
4. Жорес, Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. II. М.: Прогресс, 1978. 648 с.
5. Робеспьер М. О войне. Речь 18 декабря 1791 // Робеспьер М. Избранные произведения. Т. 1. М.: Наука, 1965. С. 168-184.
6. Hallen T. van der. Robespierre et le dilemme de la diplomatie révolutionnaire // Academia.edu [сайт]. - URL: https://www.academia.edu/35055943/Robespierre_et_le_dilemme_de_la_diplomatie_r%C3%A9volutionnaire (дата обращения: 22.01.2022). 16 p.
7. Боливар С. Избранные произведения. 1812-1830. М.: Наука, 1983. 280 с.
8. Thibaud C. Guerre et révolution au cours des Indépendances hispano-américaines // Rivista Storica Italiana. 2010. № 122-122. P. 649-681.
9. Энгельс Ф. Поражение пьемонтцев. II // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 6. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 416-419.
10. Ленин В.И. О тезисах по аграрному вопросу французской компартии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 274-281.
11. Протоколы Центрального комитета РСДРП, август 1917 - февраль 1918 / ред. М.А. Савельев. М., Л.: Государственное издательство, 1929. 309 с.
12. Бажуков В.И. Концепция революционной войны в учении В.И. Ленина: теория и практика // Вестник Московского Университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2017. № 1. С. 25-37.
13. Ленин В.И. К истории вопроса о несчастном мире // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 243-253.
14. Ленин В.И. Маёвка революционного пролетариата // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 296-305.
15. Ленин В.И. VIII съезд РКП(б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 156-162.
16. Тухачевский М. Поход за Вислу // М. Тухачевский. Поход за Вислу. Ю. Пилсудский. Война 1920 года. М.: Издательство "Новости", 1992. С. 33-97.
17. Мао Цзэдун. Стратегические вопросы революционной войны в Китае, декабрь 1936 г. [中国革命战争的战略问题(一九三六年十二月)] // marxist.org [сайт]. - URL: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/marxist.org-chinese-mao-193612.html> (дата обращения: 3.04.2024).
18. Мао Цзэдун. Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков, май 1938 [抗日游击战争的战略问题(一九三八年五月)] // marxist.org [сайт]. - URL: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/marxist.org-chinese-mao-193805.html> (дата обращения: 6.04.2024).
19. Bouzoumita M. Mao et la guerre révolutionnaire // Stratégique. 2016. № 3. P. 63-87.
20. Villatoux M.-C., Villatoux P. Aux origines de la "guerre révolutionnaire": le colonel Lacherois parle // Revue historique des armées. 2012. № 268. P. 45-53.
21. Beaufre A. La guerre révolutionnaire: Les formes nouvelles de la guerre. Paris: Fayard, 1972. 231 p.

22. Villatoux M.-C. Hogard et Némó. Deux théoriciens de la "guerre révolutionnaire" // Revue historique des armées. 2003. № 232. P. 20-28.
23. Gallula D. Counterinsurgency Warfare: Theory and Practice. N.-Y.: Praeger Security International, 1964. 130 p.
24. Джха И. Пойми же боль Бастара // Герилья в Азии. Красные партизаны в Индии, Непале, Индокитае, Японии и на Филиппинах, подпольщики в Турции и Иране / Составители А. Колпакиди, М. Нигматуллин. М.: Родина, 2023. С. 38-48.
25. Полонский И. Красная герилья на Филиппинах // Герилья в Азии. Красные партизаны в Индии, Непале, Индокитае, Японии и на Филиппинах, подпольщики в Турции и Иране / Составители А. Колпакиди, М. Нигматуллин. М.: Родина, 2023. С. 21-27.
26. Malis C. La guerre révolutionnaire, de Lénine à l'État islamique // Stratégique. 2017. № 3. P. 161-183.
27. Girard R. La guerre révolutionnaire du Hamas // le Figaro [сайт]. - URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/renaud-girard-la-guerre-revolutionnaire-du-hamas-20231016> (дата обращения: 24.03.2024).
28. Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В. Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 468 с.
29. Старосельский Я.В. Проблемы якобинской диктатуры. Л.: Издательство коммунистической академии, 1930. 306 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «О некоторых этапах эволюции понятия "революционная война" в общественной мысли XVIII-XXI вв.» посвящен перспективно интересной и актуальной теме происхождения и смыслового наполнения понятия «революционная война», однако некоторые исходные методологические решения автора вызывают сомнения. Во-первых, общественная мысль XVIII-XXI вв., заявленная автором в заглавии – это безбрежное море, которое невозможно проанализировать с какой-либо достойной степенью глубины в работе данного объема, автор выбирает буквально несколько сюжетов: Великая французская революция – Симон Боливар – Ленин – Мао – французские авторы об опыте Вьетнама. Во-вторых, работу с корпусом исторической и политологической литературы по теме работы автор подменяет результатами запроса в поисковой системе Google, и вышеуказанную схему своей работы автор строит именно на результатах интернет-запроса (опустив по непонятным причинам американскую войну за независимость). Точно так же суждение о недостаточной изученности темы («В то же время в литературе не существует его четкого, общепризнанного определения») автор получает по итогам обращения к поисковой системе. Отобранные автором сюжеты каждый сам по себе могли быть темой отдельного исследования по наличию и отсутствию революционности в ведущейся войне, различным трактовкам этих войн в литературе и т.д. Рассмотренные сюжеты и мнения не являются сколько-нибудь достаточным материалом для того чтобы обобщить трансформацию понятия «революционная война» в общественном мнении за 250 лет, это частные случаи, связь между которыми может быть выражена более или менее явно. Непонятно, почему автор обращается к авторам рассмотренных мнений как теоретикам («Подобное понимание революционной войны, конечно, содержит в себе одно из значимых свойств этого явления – опору на вооружённый народ, которую подчёркивали все рассмотренные нами теоретики»): Ленин, Мао, французские генералы, Боливар были практиками революции. Точно также сумма мнений этих

персонажей не дает нам «общественного мнения». В выводах автор не приходит к какому-то итогу по заявленной теме исследования, а возвращается к понятийному аппарату времен Великой Французской революции. Многие проблемы работы проистекают по причине ухода от традиционной схемы научного исследования: предмет исследования, источники и методология исследования, актуальность, научная новизна, обзор литературы по теме исследования, трактовка ключевых терминов исследования (в данном случае "общественное мнение") и др. Работа в целом не лишена ценности, но ей не хватает более адекватного содержанию заголовка, научно-методического обоснования и четких выводов по теме работы. Рекомендуются к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению понятия «революционная война» и особенностям его трактовки различными авторами от эпохи Великой французской революции до второй половины XX века. Основное внимание уделяется сравнительному анализу классического подхода, связывающего революционную войну с защитой и экспансией революционных преобразований, и точки зрения современной французской военной теории, интерпретирующей это понятие значительно шире, включая партизанские действия и идеологические аспекты вооружённых конфликтов. Автор ставит задачу выявить ключевые различия в восприятии революционной войны представителями разных эпох и культурных традиций, определить степень влияния французского военного дискурса на современные концептуализации данного феномена. Методология исследования основывается на анализе текстов, созданных участниками революционных движений и мыслителями, занимающимися вопросами революционной борьбы. Автор привлекает широкий спектр источников, охватывающих различные исторические периоды и культурные контексты. Используются методы исторической реконструкции, сравнительно-исторического анализа и философской интерпретации. Работа выполнена в рамках новой интеллектуальной истории, что предполагает сочетание историко-критического метода с анализом взаимовлияния идей и социальных реалий.

Автор сравнивает классические взгляды на революционную войну, представленные в трудах деятелей Французской революции и последующих революционных лидеров, с современным пониманием этого феномена, отражённом в работах французских военных теоретиков XX века. Такой подход позволяет глубже раскрыть эволюцию смысла и содержания термина «революционная война».

Актуальность данной темы очевидна: в XXI веке продолжают возникать вооружённые конфликты, которые претендуют на статус революционных войн, особенно в регионах бывшего СССР и развивающегося мира. Поэтому исследование происхождения и эволюции подходов к определению революционной войны важно для лучшего понимания текущих процессов. Кроме того, статья актуальна для специалистов в области международных отношений, философии и социологии, изучающих влияние идеологических факторов на развитие военных стратегий и принятие решений.

Научная новизна состоит в сравнении классической европейской трактовки революционной войны с новым подходом, разработанным французскими военными теоретиками. Впервые предпринята попытка рассмотреть эти два взгляда в целостном историко-политическом контексте, показывая взаимосвязь традиционной практики революционной войны и современных интерпретаций, акцентирующих внимание на

идеологическом аспекте и партизанских действиях.

Автор демонстрирует, что современный подход расширяет рамки традиционного определения, делая возможным отнесение к категории революционных войн даже тех конфликтов, которые не связаны напрямую с революциями в классическом смысле. Такой подход помогает лучше понять механизмы современного насилия и даёт инструменты для анализа современных локальных конфликтов.

Структура статьи выстроена последовательно и логично. Аргументы изложены ясно и аргументированно. Список использованных источников и литературы обширен и разнообразен. Привлечены оригинальные тексты деятелей революций, работы известных историков и философов, материалы исследований российских авторов и западных учёных. Особенное значение имеют работы, посвящённые развитию теории революционной войны в XX веке, такие как труды генерала Андре Буафра («La guerre révolutionnaire»).

Автор активно вступает в диалог с другими исследователями, подчёркивая своё несогласие с некоторыми выводами коллег. Особенно выделяются позиции, касающиеся роли партизанских действий и значения идеологического компонента в определении революционной войны. Например, критикуется точка зрения, согласно которой понятие революционной войны сводится исключительно к действиям регулярных армий, что отражает стремление автора показать многообразие возможных трактовок исследуемого феномена.

Главный вывод статьи заключается в выявлении существенных различий между традиционным пониманием революционной войны и современным подходом, предлагающим широкое толкование этого понятия. Выводы сделаны обоснованно и подкреплены материалами оригинальных документов и авторитетных научных публикаций. Однако не хватает критического осмысления собственных выводов относительно практических последствий такой широкой трактовки.

Работа привлечёт внимание представителей гуманитарных наук, особенно студентов и преподавателей истории, политологов, международников и специалистов по безопасности. Исследователи, интересующиеся проблемами революций и военных конфликтов, найдут много интересного и полезного материала.

Статья «Понятие революционной войны: классическое понимание vs концепция французских военных теоретиков» заслуживает рекомендации к публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».